

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45-ГО**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ПАЛАЧ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Палач приходит ночью / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-198568-4

Тело некогда красивой женщины лежало на полу. Сейчас оно напоминало разделанную мясником тушу: рука отрублена, голова размозжена, ноги переломаны. На двери — припиленная ножом записка: «Так будет с каждым!»

Война давно закончилась. Но на Западной Украине не стихают бои. Непримиримые националисты всеми силами стараются досадить Советской власти. Самым жестоким среди них прослыл неуловимый главарь по прозвищу Звир.

Оперуполномоченный отдела по борьбе с бандитизмом Иван Шипов уверен: смерть женщины-агента НКВД — дело рук Звира. У Шипова с этим отморозком давние счёты. Пока что палачу удавалось уходить от возмездия. Но в этот раз бандеровец должен намертво вцепиться в приманку. Это особый «подарок», который приготовил ему Иван...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198568-4

© Шарапов В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Часть первая

ПОДПОЛЬЩИКИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Звиру очень хотелось выстрелить. Притом не в лоб, а в какую-нибудь менее существенную часть тела, чтобы было очень болезненно, но не слишком опасно для жизни. А потом, в более подходящей обстановке, устроить мне что-нибудь совсем уж экзотическое, вроде сдирания с еще живого кожи. В таких делах он был признанный специалист.

В просторном помещении уютно потрескивал камин. Меня слегка покачивало, ребра болели. А Звир все целился. И в глазах, как всегда безумных, жила вечная жажда бесконечной власти над людьми, которую дают только чужие страдания и смерть. И ему стоило немалых усилий сдерживать себя.

— Ну вот, коммунячка, и конец тебе пришел... — Его палец потянул спусковой крючок «Люгера».

В стороне стояли Купчик и Оглобля — так их прозвали с детства. Сейчас даже и не знаю, как их именовать: клички бандеровцы меняют в целях конспирации постоянно.

Купчик, моя заноза еще с давних детских времен, теребя ремень карабина, жадно взирал на происходящее и радостно лыбился. Он тоже надеялся на то, что в скором времени я сдохну в мучениях. Ему хотелось, чтобы я вопил, ползал на коленях. Чтобы слюной изошел. Но его устраивало и то, что меня сейчас просто продырявят. Это был его счастливый день.

Оглобля, тоже старый мой недруг, но куда умнее и расчетливее своих поделльников, был напряжен. Хорошо заметно, что и экзекуция, и ситуация его сильно тревожат. Больше всего ему хотелось сейчас очутиться от этого заброшенного хутора как можно дальше. Он до белизны сжимал в пальцах автомат, направив ствол в мою сторону, будто опасался, что я сейчас издам молодецкий клич да раскидаю всех, порву на клочки.

Холодный ствол «Люгера» уперся мне в лоб. Потом пополз ниже, уткнувшись в плечо. И на лице Звира появилось счастливое выражение.

А ведь эта сволочь сейчас, забыв обо всем, все же выстрелит! Не сдержится! Как же тяжело с вами, психопатами!

И грохнул выстрел!

Вот же проклятые нацистские твари! Когда я впервые ощутил, что нам не по пути и что драться с ними придется всю жизнь? Да кто знает. Наверное, когда мне было тринадцать лет. За школой, в садике, где мы прогуливались на переменках. И тогда напротив меня стоял Купчик — прям как сейчас...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Купчик с раннего детства был похож на крысупасюка: вытянутая морда, весь поджарый, глаза-бусинки — злые и бегающие. И тарачился на меня он с ненавистью. Почему? Повода вроде бы я для такого сильного чувства не давал.

Он был сыном местного частного торговца, я — сельского кузнеца. Родители наши в Бор-тничах и окрестностях люди примечательные и известные, только по-разному. Один — мироед и сквалыга, опутавший село долговыми расписками. Другой — трудяга, не наживший добра, но всегда готовый помочь людям и словом, и делом. Недолюбливали наши семьи друг друга, но видимой вражды не проявляли. Точнее, вражда все же постепенно зародилась из диаметрально противоположных взглядов на жизнь и однажды вылезла на свет в задиристой мальчишеской перепалке.

За бревенчатым, приземистым, знавшим лучшие времена, а ныне полуразвалившимся зданием сельской школы имелась утоптанная земляная площадка, а за ней — густые смородиновые кусты, тропинка к ручью, заросшая лопухами, крапивой и диким кустарником. Здесь мы обычно бесились на переменках, в стороне от учительских глаз. Гоняли футбольный, набитый тряпками, самодельный кожаный мяч. Тут же выясняли отношения и выплескивали детские обиды. И даже курили самокрутки с самосадам, желая ощутить себя взрослыми.

Здесь мы и схлестнулись с Купчиком. Наши былые приятельские отношения остались в прошлом. И трещина между нами прошла идеологическая, как ни глупо это звучит для мальцов.

Стоя в окружении своих прихвостней, Купчик процедил обидные, подлые и явно не свои слова:

— Вот власть у поляков скоро отнимем. Тогда всех вас, прихвостней большевистских и всяких пролетариев, на деревьях развесим. Будет вас ветер качать!

Тут я ему нос и расквасил, а заодно по уху его защитнику, высокому и жилистому Оглобле, съездил. Хорошо получилось. Душевно. Они даже ответить всерьез не сумели, потому как рука у меня, сына кузнеца, постоянно помогающего отцу в кузне, не по возрасту тяжелая.

Это уже была не обычная мальчишеская потасовка. Это было мое первое идейное сражение.

Особенно почему-то задело это брезгливое «пролетариев». Я вообще-то гордился, что сам из пролетариев. Даже, можно сказать, из пламенных большевиков. Во всяком случае, к отцу все это можно было отнести в полной мере. Он был большевиком и по убеждениям, и по причастности. А Купчик и его семья горячо ратовали за Западную Украину, «свободную от жидов, большевиков и поляков».

Хотя в нашем селе, да и в ближайшем к нему тихом небольшом городишке Вяльцы особо остро национальный вопрос не стоял. У нас испокон веков простые поляки, русские, евреи, украинцы,

ПАЛАЧ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

именовавшие себя не иначе, как русинами, жили мирно, если не считать мелких соседских склок. Разговаривали между собой на дикой смеси русского, украинского, идиша и польского. Национальностью никто никого не попрекал. Вон, на той же Львовщине даже в быту такая ненависть тлеет, что поляк на хохла злыднем смотрит, а еврей — так вообще их общий враг. У нас в Полесье народ куда терпимее друг к другу. И озабочен всегда был больше тем, как выжить в «Великой Польше», которая все никак не сгинет. Жизнь в ней была голодная, к простому народу не расположенная.

Зато польское начальство у нас ненавидели все дружно. И было за что. Гордые шляхтичи все свои экономические неурядицы пытались покрыть за счет украинцев. Их нещадно вытесняли с земель, которые предки пахали веками, туда заселялись поляки, в основном ветераны, многие надель передавались польским помещикам. Народ в ответ за вилы брался. Приезжали солдаты. Стреляли. Забирали бунтовщиков в тюрьмы, а то и казнили.

И все равно простой народ национальностью у нас не мерился. До тех пор, пока в селе не появился учитель Василь Молчан, которого мы прозвали Химиком. Он преподавал всякие точные науки, но химия была его основным предметом. Вечно улыбчивый, сладкоголосый и страшно убедительный, он постепенно очень умело вливал нам в уши: Западная Украина — центр Мироздания и

благословенная земля. Вокруг же живут нелюди, которые не дают украинцам построить рай земной и все время ее оккупируют: то Австрийская Империя, то Российская, а вот теперь, по Рижскому договору 1921 года, тут правит одолевшая большевиков в кровавой двухлетней войне Польша.

Однажды, наслушавшись от него сказок о будущей Свободной Украине с кисельными берегами и молочными реками, я впечатлился до крайности и тут же вывалил все эти идейки отцу.

Тот даже не разозлился, а посмотрел на меня с какой-то скорбной жалостью и некоторой растерянностью:

— Свободная Украина для украинцев. Это, скажу я тебе, сынок, дичайшее мракобесие.

— Почему? — даже обиделся я, поскольку выходило, что я тоже мракобес, хотя, как все дети, считал себя сильно умным.

— Это все отжившие свое игрушки. Наследие былого. Я так тебе скажу. В мире есть алчные эксплуататоры. А есть эксплуатируемый трудящийся народ, который должен взять свое и обустроить не какую-то национально однородную Украину. Он должен обустроить весь мир.

— Когда это еще будет? — не унимался я.

— Скоро... Наверное, — не так уверенно добавил отец. — А все эти карликовые якобы свободные государства — они не что иное, как орудие буржуазии для разобщения трудящихся и увода от классовой борьбы. Так что с этими гниловатыми

ПАЛАЧ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

идейками нам не по пути. Любой оголтелый национализм — враг большевизма.

Авторитет отца был для меня непререкаем. И воспринял я эти слова очень серьезно. Всей душой был готов принять, что наш народ однажды скинет буржуев со своей шеи, забудет о национальной вражде, станет брататься, вне зависимости от языка и крови. Только со временем уверенность эта сильно ослабла. Ведь националистических агитаторов становилось все больше. И я видел, как от одного упоминания о «Свободной Украине для украинцев» глазки некоторых односельчан радостно загораются, а от речей о диктатуре пролетариата и колхозах как-то сразу тухнут или отсвечивают подозрительностью. Это что же получается: наши люди за национальную свободу головы сложить согласны, а за диктатуру пролетариата — не особенно?

После той потасовки около школы мои противники долго боялись с разбитыми физиономиями на люди показаться. А к отцу пришел разбираться отец Купчика.

О чем они там говорили — не знаю. Но досталось мне по первое число. Правда, отец ни разу нас рукой не тронул. Однако сам голос его мог как воодушевлять, так и замораживать. Отчитал меня он так строго, что я готов был сквозь землю провалиться, а потом со вздохом произнес:

— Руки, сын, никогда не распускай первым. Если донести свою мысль словами не можешь, горячая рука только хуже сделает.

— Но он же враг? — все не мог уговорить я.

— А после оплеухи другом стал? Можно и руками махать, и стрелять, но для этого причина очень веская должна быть, а не детские обиды. Понял?

— Понял я все. Не буду больше, — сказал я искренне, потому как слово отца почитал за мудрость в последней инстанции.

Правда, мою уверенность поколебал старший брат, который после моего разговора с отцом прошептал заговорщически:

— Да правильно ты ему врезал. Молодец.

В общем, вынес я из той истории урок — бить стоит не когда тебе этого хочется, а когда очень надо. Вот только как это «надо» вовремя и правильно распознать?

Недруги теперь обходили меня стороной. Была у них шальная мысль гуртом навалиться, но подсчитали, что дорого обойдется. Отныне малолетние украинские националисты тихо жили своим узким кружком, секретно обсуждали друг с другом и с Химиком очень важные вопросы и все время заговорщически переглядывались, как будто уже решили, когда будут брать власть, гнать поляков и евреев. Выглядело это несерьезно. Но на деле все оказалось очень серьезным. Долго потом этот поганый кружок люди недобрый словом поминали.

Впрочем, заговоров, секретов и в нашей семье хватало. Отец давно был членом запрещенной в Польше Коммунистической партии Западной Украины — КПЗУ. Со временем в нее вступили и мои старшие братья. А меня на очередном тайном

ПАЛАЧ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

заседании приняли в комсомол. Вообще комсомольцев и большевиков в Бортничах и Вяльцах насчитывалось около полусотни человек — достаточно крепкая организация.

В четырнадцать лет со школой я закончил. Стал помогать отцу в кузне, заодно пристроился учеником в мастерскую по ремонту сельскохозяйственной техники. Погрузился с головой в комсомольскую работу: занимался агитацией, распространял листовки, выполнял отдельные партийные поручения. Считал себя опытным подпольщиком и ничего не боялся.

А зря не боялся. Иногда бояться полезно...

Пуля вжикнула где-то совсем рядом. Это был первый раз, когда в меня стреляли. И я буквально всем телом ощутил холод смерти, прошедший совсем неподалеку. И понял, что сейчас меня могли, да и должны были убить...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Да, смертельный холод от выстрела из полицейского карабина тогда прошел надо мной и ушел в сторону, не в силах развеять овладевший мной лихой азарт.

По партийным поручениям не раз доводилось мне выезжать из родного села, передавать товарищам по борьбе записки или сообщения на словах. Были задания и поопаснее.

Польские власти давили большевиков нещадно. Кидали в тюрьмы, не скупясь на длительные

сроки. Немало коммунистов томилось в казематах. Вот и приходилось мне разными способами передавать туда весточки или получать оттуда сообщения. Интересно было. Кровь будоражила близкая опасность. И охватывало пьянящее, упительное осознание своей личной значимости.

В тот день я подобрал брошенный из тюремного зарешеченного окна, выходявшего на площадь, камешек с запиской. Вот только недооценил то, сколько вокруг трется шпики и полиции. Послышалась отчаянная переливистая трель свистка. Я успел схватить сообщение и сделал ноги.

За мной бухали тяжелые полицейские сапоги. Сбивая дыхание, я мчался по мостовой. При этом воспринимал все как забавное приключение, эдакое спортивное мероприятие. Я же юный и сильный. Весь мир принадлежит моей отчаянной молодости и бурлящей энергии. Что со мной может случиться, с самым ловким и быстрым?

Тут бухнул выстрел.

Переживать у меня времени не было. Я припустился еще быстрее. Вот только свистки теперь переливались трелью со всех сторон — меня брали в клещи. Вырисовывалась мрачная перспектива попасть в лапы врагов, и даже не обязательно живым.

Спасло то, что я всегда чтил старших товарищей и их уроки. А они напутствовали: перед любой, даже самой незначительной акцией надлежит тщательно изучить местность и присмотреть пути отхода. Я юркнул в заранее приглянувшийся

ПАЛАЧ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

тупик. Кошкой забрался на крышу. Распластавшись там, ехидно смотрел, как мечутся по улицам полицаи в поисках меня, преданного бойца мировой революции.

Вернулся я после этого задания здоровый, немного испуганный, но довольный собой. Впрочем, мне хватило соображения прикусить язык и не распространяться о своих приключениях. Только брату сказал, и мы оба решили, что отца информировать не обязательно.

Однако отец все узнал. Собрал на семейный совет всех, кроме матери. Лицо его было бледное и злое.

— Тебя пристрелить могли, Иван!

— Да плевое дело, — хорохорился я. — Было бы о чем переживать.

— Нет плевых дел! Есть наплевательское отношение!

Братья были пунцовые. Ведь это они подбили меня на задание. Хотя дело и правда казалось плевым, но ведь могло окончиться плохо.

— Если ввязался в авантюру, так продумывай все! — напирал отец. — А пока запрещаю тебе все эти подвиги! Подрасти! Поумней!

— А как же долг комсомольца?! — обиженно воскликнул я.

— Придумаем, как его выплачивать, — усмехнулся отец. — И не обязательно для этого совать голову льву в пасть!

Говорил он все это якобы грозно, но больше с надеждой. С тщетной надеждой. Он нас так вос-